

Замечания и вопросы к трем докладам

Я по специальности литературовед. Главное и существенное отличие литературоведа от политологов и экономистов, или, например, от историков и этнографов, состоит, на мой взгляд, в том, что литературовед наделен особым правом – а именно, правом на воображение.

Поэтому мне хотелось бы начать свое выступление со слов «если бы». Если бы сто десять с лишним лет назад с невероятным риском для себя тридцатилетний Чехов не проделал того путешествия через всю Сибирь до Сахалина, то, вероятно, теперешний Сахалин представлял бы собой весьма прозаическое место. И наше Пятое секционное собрание не было бы включено в сегодняшнюю программу симпозиума. Кроме того, и японо-сахалинские отношения ограничились бы лишь сферой политико-экономических или исторических проблем.

На нынешний день еще не вполне выяснены причины того, почему этот русский писатель, который только что вступил в так называемый «средний период» своей биографии, который уже взялся за «серьезную» художественную литературу, опубликовав «Степь» (1888) и «Скучную историю» (1889), вдруг решил поехать на этот пресловутый остров, обитателями которого были только каторжане да тюремщики. Ведь целых три месяца у него

ушло только на одну дорогу до Сахалина. Разумеется, наша секция не ставит первостепенной задачей выяснение этих причин. Однако все трое докладчиков сегодня в той или иной мере затрагивали эту проблему, что свидетельствует о ее несомненной актуальности.

Если включить обратный двухмесячный морской путь, то этот большой чеховский маршрут занял 9 месяцев и был в обобщенном виде описан в его путевом очерке «Из Сибири» (1890) и в книге «Остров Сахалин» (1893–1895). Исходя из этих произведений, можно заключить, что истинные побудительные мотивы путешествия вовсе не сводились для писателя к литературным задачам и соображениям. Как утверждают проф. А. Дуркин и проф. Ц. Мотидзуки, лишь очень малое число произведений А.П. Чехова можно напрямую связать с этой его поездкой.

Известно, что Чехов был не только писателем, он был еще и врачом, и общественным деятелем. Поэтому нам представляется целесообразным рассматривать его как целостную личность, и это его подвижничество тоже необходимо воспринимать «целостно», во всей совокупности проявлений чеховской личности. Ведь нет сомнения, что все художественные произведения, которые были написаны Чеховым после возвращения из поездки, были бы совершенно иными, если бы у него не было его сахалинского опыта. Поэтому, думаю, мне, проблемы влияния этой поездки на творческую индивидуальность писателя стоит трактовать не так, как это делается обычно, – рассматривая непосредственное воздействие на Чехова сахалинских впечатлений, – а в более широком масштабе и комплексно.

По содержанию, пожалуй, сегодняшние три доклада не слишком перекликаются. Но, вероятно, это было неизбежно, поскольку сахалинская поездка Чехова имеет множество самых

разных аспектов. Тем не менее, все доклады, каждый по-своему и в своей сфере, принесли научные результаты, которые я оцениваю как безусловно высокие. Путь к «целостному рассмотрению» на основе этих результатов скорее предстоит пройти нам, слушателям сегодняшних докладов.

И теперь я хочу высказать ряд соображений и задать несколько вопросов докладчикам, – поскольку нам довелось быть участниками заседаний этой секции, мне хотелось бы получить у докладчиков некоторые уточнения: в каком направлении должна двигаться наша мысль, чтобы можно было увидеть проблему «Чехов и Сахалин» в разных ракурсах.

Начнем с доклада Инги Анатольевны. Три года назад я был по нучным делам в Южно-Сахалинске, но из-за напряженной повестки дня, к сожалению, не успел посетить тот музей, директором которого работает докладчица. Помню свои студенческие времена, когда я ходил в дом-музей А.П. Чехова в Москве. А в позапрошлом году я побывал в Чеховском музее в Одессе. Вообще у каждого российского (а раньше – у советского) дома-музея или музея-квартиры какого-нибудь писателя всегда есть своя особица и индивидуальность, и на меня неизменно сильное впечатление производит обдуманная экспозиция и разнообразная научная деятельность работников музеев.

Насколько я понял из доклада директора музея И.А. Цупенковой, музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» тоже, как все подобные учреждения вообще, находится в противоречивом положении. С одной стороны, музей должен развиваться как научное учреждение, способное отвечать запросам специалистов самого высокого уровня. Свидетельство тому – находящиеся в музее копии «опросных листов», заполненных Чеховым. С другой стороны, важной составляющей

работы музея является популяризаторская деятельность, поскольку музей должен привлекать интерес самых широких кругов населения. Для этой цели музею приходится готовить различные музейные «вещи», адресованные прежде всего зрению посетителей. Надо сказать, что в последнее время во многих музеях меня все больше и больше беспокоят излишние старания именно по части этой, «показной» стороны, чрезмерная «опора на зрителя». Безусловно, я понимаю, что собирать раритеты – неизбежная обязанность музеев, их предназначение. И вот я хочу спросить Ингу Анатольевну – ощущаете вы такое противоречие или нет? И если да, то в каком направлении вы намереваетесь ориентировать деятельность вашего музея в будущем?

Теперь мне хотелось бы остановиться на докладе проф. Дуркина. Докладчик считает, что у рассказа «Убийство» – одного из тех немногих произведений писателя, что оказались связаны с поездкой Чехова на Сахалин, – в качестве «субтекста» выступают предшествующие по времени романы Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», и тщательно анализирует их «интертекстуальные отношения». Выводы, сделанные на основе этого анализа, показались мне чрезвычайно убедительными.

Разрешите мне сначала дать краткий комментарий для тех, кто далек от современной литературоведческой теории. Считается, что любое произведение художественной литературы, каким бы уникальным оно ни было, не может появиться на свет как некая «внезапная мутация», в отрыве от предшествующей литературной традиции. Новое произведение рассматривают поэтому на фоне совокупности уже существующих разнообразных литературных текстов, порожденных предшественниками, привлекая при этом понятия «субтекста» или «интертекстуальных отношений». И наш

докладчик выдвигает гипотезу, что где-то в уголке сознания Чехова запечатлелись эти два произведения Достоевского, и в латентном, неосознанном виде образовалось что-то вроде «каунтерстэйтмэнт», – то есть, «контр-суждения», в результате чего и был написан рассказ «Убийство».

Проф. Дуркин обращает свое внимание на изменение «веры» у Якова Терехова, убившего своего двоюродного брата Матвея, и сосредоточивается на седьмой главе, т.е. эпилоге, в котором описывается Сахалин, место каторжных работ. Ссылаясь на Библию, докладчик описывает то состояние души, которого достиг герой рассказа, иными словами, «возрождение человека», например, в таком чеховском фрагменте: «и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи».

Безусловно, имя Якова заставляет нас вспомнить «Послание Иакова», как и утверждает проф. Дуркин. И Яков перерождается, когда осознает важность «веры, сопровождаемой делами», о чем говорится в следующих строках из «Послания Иакова»: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его?» По мнению докладчика, это, скорее всего, и есть главная тема рассказа. В этом пункте я полностью согласен с докладчиком.

Однако меня смущает то обстоятельство, что я, например, вовсе не замечаю у этого переродившегося Якова «осознания своего греха». Строго говоря, у него не было намерения убить, и, согласно нынешним уголовно-процессуальным представлениям, он не совершил убийства, а нанес брату «телесное повреждение, повлекшее смерть». Тот факт, что Яков был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, а потом еще присужден к

бессрочной каторге за попытку бегства, представляется несправедливым наказанием. Однако у самого Якова, похоже, нет чувства, что с ним поступили несправедливо. Остальные три «преступника», замешанные в этом деле о «ранении, приведшем к смерти», тоже были осуждены неоправданно сурово. История с ними говорит сама за себя, как и вся пенитенциарная система царской России, породившая такое странное место в пространстве, как остров Сахалин. Поэтому мне кажется, что у Чехова в связи со всем этим появилось определенное намерение «заявить протест».

Но если это так, то встает закономерный вопрос: что же, Чехов в рассказе «Убийца» каким-то образом упустил из виду проблему соотношения «преступления» и «наказания», – главную проблему, поднятую Достоевским в своем романе, который, как показал докладчик, послужил «субтекстом» для чеховского рассказа? Или же наоборот, именно эта проблема, но в скрытом либо инверсированном виде, все равно ставится перед читателем? Как вы думаете, проф. Дуркин?

Теперь разрешите мне сказать несколько слов о докладе профессора Мотидзуки. Мотидзуки-сан предпочитает анализировать путешествие Чехова на Сахалин в историческом, а не в биографическом контексте. Это означает расширение сферы рассмотрения, и я от всей души приветствую этот подход, будучи сам сторонником метода «целостного охвата».

В заглавии темы нашей секции есть слово «Япония». Однако, как соотнести это слово с чеховской поездкой на Сахалин? По мнению докладчика, «вопрос о том, испытывал ли Чехов глубокий интерес к Японии, отправляясь из Москвы остается открытым» (с. 3). А вот после возвращения с Сахалина его интерес к Японии, несомненно, в значительной степени повысился, о чем ярко свидетельствует динамичное описание его общения с членами

японской консульской миссии на Сахалине, а также фрагмент его обширных комментариев к этой главе книги, где он, отступив от главного сюжета, рассказывает разные истории, случившиеся с русскими морскими офицерами в Нагасаки.

Однако здесь стоило бы учесть некоторые факты: например, осведомленность Чехова в истории российско-японских отношений по части Сахалина и Курил, а также его собственные определенные комментарии по этим пунктам. Все это вместе, думается, может послужить прямым указанием на то, что Чехов, готовясь к поездке, заранее занимался подробным изучением Японии.

Еще одно. Мотидзуки-сан предполагает, что перед отъездом Чехов скорее всего читал о Японии в русском переводе только одну книгу – исследование Ф. Зибольда «Путешествие по Японии или описание Японской империи» в русском переводе.

Однако, как свидетельствует Нагасэ Такаси, автор книги «Источники японо-русских территориальных споров» (Сосися, 2003), в оригинальной книге Зибольда подробно и достоверно рассказывается о географических достижениях Мамя Риндзо и других японцев, в русском же переводе главная часть книги, содержащая историю Риндзо, опущена, и перевод сильно отклоняется от оригинала. В то же время Нагасэ подчеркивает, что «описание Японии в книге «Остров Сахалин» полностью основано на трудах Зибольда, и нет ни одного места, которое обнаруживало бы расхождение с ними. Чехов же не только называет имя Риндзо и знакомит читателя с его достижениями, он упоминает даже продиктованную Риндзо книгу «Путешествие к восточным татарам», полный перевод которой содержится в седьмом разделе сочинения Зибольда» (с. 57–58).

Но раз Чехов разыскал немецкий подлинник книги и прочитал его, то, вероятно, правильнее было бы исходить из того, что у Чехова и до отъезда интерес к Японии был довольно значителен, не так ли?

Впрочем, похоже, что всемирно известная книга Зибольда ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, ни в сегодняшней России до сегодняшнего дня так и не была представлена в полном и правильном виде. В японо-русских отношениях до сих пор остается нерешенным территориальный вопрос, однако для рассмотрения этого вопроса в «историческом контексте», как предлагает сделать докладчик Мотидзуки, мне кажется, прежде всего насущно необходимо сопоставительное изучение всей основной литературы по данному вопросу, существующей на данный момент. Хотелось бы узнать мнение докладчика по этому пункту. На этом позвольте мне завершить свое выступление как оппонента. Благодарю за внимание.